



"Зеленая веточка"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**



На Западном фронте мне пришлось некоторое время шить в землянке техника-интенданта Тарасникова. Он работал в оперативной части штаба гвардейской бригады. Тут же, в землянке, помещалась его канцелярия. Трехлинейная лампешка освещала низкий сруб. Пахло свежим тесом, земляной сыростью и сургучом. Сам Тарасников, невысокий, болезненного вида молодой человек со смешными рыжими усиками и желтым, обкуренным ртом, встретил меня вежливо, но не слишком приветливо.

- Устроитесь вот тут, - сказал он мне, указывая на топчан и тотчас снова склоняясь над своими бумагами. - Сейчас вам подстелят палатку. Надеюсь, моя контора вас не стеснит? Ну и вы, рассчитываю, тоже особенно мешать нам не будете. Условимся так. Присаживайтесь пока.

И я стал жить в подземной канцелярии Тарасникова.

Это был очень беспокойный, необычайно дотошный и придирчивый работяга. Целые дни он надписывал и клеивал пакеты, припечатывал их сургучом, согретым над лампой, рассылал какие-то донесения, принимал бумаги, перечерчивал карты, стучал одним пальцем на заржавленной машинке, тщательно выбивая каждую букву. По вечерам его мучили приступы лихорадки, он глотал акрихин, но лечь в госпиталь категорически отказывался:

- Что вы, что вы! Куда же я уйду? Да тут все дело без меня станет! Все на мне и держится. На день мне уйти - так потом год не распутаешься тут...

Поздно ночью, вернувшись с переднего края обороны, засыпая на своем топчане, я все еще видел за столом усталое и бледное лицо Тарасникова, освещенное огнем лампы, деликатно, ради меня, приспущенным, и укутанное табачным туманом. От глиняной печурки, сложенной в углу, шел горячий чад. Усталые глаза Тарасникова слезились, но он продолжал надписывать и клеивать пакеты. Потом он вызывал связного, который дожидался за плащ-палаткой,

повешенной у входа в нашу землянку, и я слышал следующий разговор.

- Кто из пятого батальона? - спрашивал Тарасников.

- Я из пятого батальона, - отвечал связной.

- Примите пакет... Вот. Возьмите его в руки. Так. Видите, написано здесь: «Срочно». Следовательно, доставить немедленно. Вручить лично командиру. Понятно? Не будет командира - передайте комиссару. Комиссара не будет - разыщите. Больше никому не передавать. Ясно? Повторите.

- Доставить пакет срочно, - как на уроке, односторонне повторял связной. - Лично командиру, если не будет - комиссару, если не будет - отыскать.

- Правильно. В чем понесете пакет?

- Да уж обыкновенно... Вот тут, в кармане.

- Покажите ваш карман. - И Тарасников подходил к высокому связному, становился на цыпочки, просовывал руку под плащ-палатку, за пазуху шинели, и проверял, нет ли прорех в кармане.

- Так, в порядке. Теперь учтите: пакет секретный. Следовательно, если попадетесь противнику, что будете делать?

__ Да что вы, товарищ техник-интендант, зачем же я буду попадаться!

__ Попадаться незачем, совершенно верно, но я вас спрашиваю: что будете делать, если попадетесь?

__ Да я сроду никогда не попадусь...

- А я вас спрашиваю, если? Так вот, слушайте. Если что, опасность какая, так содержимое съешьте не читая. Конверт разорвать и бросить. Ясно? Повторите.

- В случае опасности конверт разорвать и бросить, а что посередке - съесть.

- Правильно. Через сколько времени вручите пакет?

- Да тут минут сорок и идти всего.

- Точнее прошу.

- Да так, товарищ техник-интендант, я считаю, не больше пятидесяти минут пройду.

- Точнее.

- Да через час-то уж наверняка доставлю.

- Так. Заметьте время. - Тарасников щелкал огромными кондукторскими часами. - Сейчас двадцать три пятьдесят. Значит, обязаны вручить не позднее ноль пятьдесят минут. Ясно? Можете идти.

И этот диалог повторялся с каждым посыльным, с каждым связным. Покончив со всеми

пакетами, Тарасников укладывался. Но и во сне он продолжал учить связных, обижался на кого-то, и часто ночью меня будил его громкий суховатый, отрывистый голос:

- Как стоите? Вы куда пришли? Это вам не парикмахерская, а канцелярия штаба! - четко говорил он во сне.

- Почему вошли, не доложившись? Выйдите и войдите еще раз. Пора научиться порядку. Так. Погодите. Видите, человек ест? Можете обождать, у вас не срочный пакет. Дайте человеку поесть... Распишитесь... Время отправления... Можете идти. Вы свободны...

Я тормошил его, пытаюсь разбудить. Он вскакивал, смотрел на меня мало осмысленным взглядом и, снова повалившись на койку, прикрывшись шинелью, мгновенно погружался в свои штабные сны. И опять принимался быстро говорить.

Все это было не очень приятно. И я уже подумывал, как бы мне перебраться в другую землянку. Но однажды вечером, когда я вернулся в нашу халупку, основательно промокнув под дождем, и сел на корточки перед печкой, чтобы растопить ее, Тарасников встал из-за стола и подошел ко мне.

- Тут, значит, получается так, - сказал он несколько виновато. - Я, видите ли, решил временно не топить печки. Давайте деньков пять воздержимся. А то, знаете, печка угар дает, и это, видимо, отражается на ее росте... Плохо на нее воздействует.

Я, ничего не понимая, смотрел на Тарасникова:

- На чем росте? На росте печки?

- При чем же тут печка? - обиделся Тарасников. - Я, по-моему, выражаюсь достаточно ясно. Этот самый чад, он, видно, плохо действует... Она совсем расти перестала.

- Да кто расти перестал?

- А вы что же, до сих пор не обратили внимания? - уставившись на меня с негодованием, закричал Тарасников. - А это что? Не видите? - И он с внезапной нежностью поглядел на низкий бревенчатый потолок нашей землянки.

Я привстал, поднял лампу и увидел, что толстый кругляш вяза в потолке пустил зеленый росток. Бледненький и нежный, с зыбкими листочками, он протянулся под потолок. В двух местах его поддерживали белые тесемочки, приколотые кнопками к потолочине.

- Понимаете? - заговорил Тарасников. - Все время росла. Такая славная веточка вымахнула. А тут стали мы с вами топить часто, а ей, видно, не нравится. Я вот тут аарубочки делал на бревне, и даты у меня проставлены. Видите, как сперва быстро росла. Иной день по два сантиметра вытягивала. Даю вам честное благородное слово! А как стали мы с вами чадить тут, вот уже три дня не наблюдаю роста. Так ей и захиреть недолго. Давайте уж воздержимся. И курить бы надо поменьше. Стебелечек-то нежненький, на него все влияет. А меня, знаете, интересует: доберется он до выхода? А? Ведь так, чертенок, и тянется поближе к воздуху, где солнце, чувствует из-под земли.

И мы легли спать в нетопленной, сырой землянке. На другой день я, чтобы снискать расположение Тарасникова, сам уже заговорил с ним о его веточке.

- Ну как, - спросил я, сбрасывая с себя мокрую плащ-палатку, - растет?

Тарасников выскочил из-за стола, посмотрел мне внимательно в глаза, желая проверить, не смеюсь ли я над им но увидев, что я говорю серьезно, с тихим восторгом поднял лампу, отвел ее чуточку в сторону, чтобы не закоптить свою веточку, и почти шепотом сообщил мне:

- Представьте себе, почти на полтора сантиметра вытянулась. Я же говорил, топить не надо. Просто удивительное это явление природы!...

Ночью немцы обрушили на наше расположение массированный артиллерийский огонь. Я проснулся от грохота близких разрывов, выплевывая землю, которая от сотрясения обильно посыпалась на нас сквозь бревенчатый потолок. Тарасников тоже проснулся и зажег лампочку. Все ухало, дрожало и тряслось вокруг нас. Тарасников поставил лампочку на середину стола, откинулся на койке, заложив руки за голову:

- Я так думаю, что большой опасности нет. Не повредит ее? Конечно, сотрясение, но тут над нами три наката. Разве уж только прямое попадание. А я ее, видите, подвязал. Словно предчувствовал...

Я с интересом поглядел на него.

Он лежал, запрокинув голову на подложенные за затылок руки, и с нежной заботой смотрел на зеленый слабенький росточек, вившийся под потолком. Он просто забыл, видимо, о том, что снаряд может обрушиться на нас самих, разорваться в землянке, похоронить нас заживо под землей. Нет, он думал только о бледной зеленой веточке, протянувшейся под потолком нашей халупы. Только за нее беспокоился он.

И часто теперь, когда я встречаю на фронте и в тылу взыскательных, очень занятых, суховатых на первый взгляд, малоприветливых как будто людей, я вспоминаю техника-интенданта Тарасникова и его зеленую веточку. Пусть грохочет огонь над головой, пусть промозглая сырость земли проникает в самые кости, все равно - лишь бы уцелел, лишь бы дотянулся до солнца, до желанного выхода робкий, застенчивый зеленый росток.

Й кажется мне, что есть у каждого из нас своя заветная зеленая веточка. Ради нее готовы мы перенести все мытарства и невзгоды военной поры, потому что твердо знаем: там, за выходом, завешенным сегодня отсыревшей плащ-палаткой, солнце непременно встретит, согреет и даст новые силы дотянувшейся, нами выращенной и сбереженной ветке нашей.